

Характерна инверсия, подчеркнутая параллелью с правильным порядком слов:

волны голубые (3-я строка)  
гордою красой (4-я)  
друга ропот (1-я строка)  
зов его (2-я)  
грустный шум — шум призывный (3-я)

Такое построение разнообразит стихи, делает их подвижными, динамичными и тем самым создает впечатление, что море рядом, снова имитируется движение волн.

В 3-й строфе перифраз «моей души предел желанный» слишком традиционный, но этот штамп наполнен здесь очень важным для поэта содержанием: ведь все стихотворение «живет» благодаря такого рода перифразу, раскрывая, в чем «предел души» поэта, его желанный идеал, почему он к нему стремился. А основа объяснению заложена уже в первом стихе: «Прощай, свободная стихия...».

В 3-й и 4-й строфах господствует «я»: поэт говорит только о себе, о своем отношении к морю. И здесь снова возникают психологические параллели:

бродил я — тихий и туманный  
я любил — глухие звуки ... тишину

Поэт ощущает такое единство с морем, при котором возможно взаимопонимание, переключка (недаром эти «отзывы» в первом стихе 4-й строфы, отзыв может быть только ответным).

Интересно проследить, как воспринимает лирический герой смену событий в жизни моря, как слышит он голос моря:

Как я любил твой отзыв,  
Глухие звуки, бездны глас...

Сначала море отзывается, но отзывы могут быть и эхом, неясно, само ли оно откликается. Затем — глухие звуки, это уже не эхо, хотя звуки еще глухие, неясные. И, наконец, бездны глас, голос, явственно слышимый глас бездны. Мы постепенно прислушиваемся к «голосу» моря.

Отзывы, звуки, глас — слова со «звуковым» содержанием; но поэт говорит и о другом море, не звучащем. Соединительный союз ставит рядом «тишину в вечерний час». Следуя привычному уже параллелизму, мы ожидаем, что в конце должно быть что-то сходное с тишиной, подобное ей. Но за «тишиной» — «своенравные порывы». Неожиданность особо выделяет эти слова, и неслучайно поставлены они в конце строфы, это меняет характер рифмовки (на смену перекрестной — кольцевая), что еще более усиливает напряженность звучания. Своенравные порывы моря — вот что особенно любимо поэтом. Но в этом же и глубокая, непреодолимая разность: море свободно, и его порывы не сдерживаются ничем, а поэт несвободен.

Об этом — следующие строфы. Своенравные порывы изображены с особой наглядностью, динамично (все в настоящем времени, события быстро сменяют друг друга, как в кадрах фильма):

Смиранный парус рыбарей,  
Твоею прихотью хранимый,  
Скользит отважно средь зыбей:  
Но ты выиграл, неодолимый,  
И стая тонет кораблей.

Свобода своенравного моря не признает никаких правил, логики; по контрасту поставлены рядом «смиранный парус рыбарей» и «стая кораблей». Своенравная прихоть моря может позволить смиренному парусу *скользить*